

Л. В. Вакуленко

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О НАРОДЕ ТАЙФАЛОВ

Историческая этнография Европы позднеримского времени является темой дискуссий, не прекращающихся более ста лет. Но еще более сложными и спорными являются попытки соотнести названия древних племен с известными в наше время археологическими культурами. Сведения древних авторов, служащие источником для таких исследований, со свойственными им неопределенными, часто ошибочными, и даже фантастическими географическими координатами делают решение этих вопросов проблематичным. Следует добавить, что миграционные процессы, постоянное перемещение племен, а это было основной определяющей чертой эпохи, создают дополнительные трудности как древним, так и современным авторам в их исследованиях. Несмотря на это историки и археологи не оставляют попыток воссоздания этнической карты Европы позднеримского времени.

Среди германских племен, которые вместе с готами приблизились к границам Империи и чье присутствие было постоянно заметно, древние авторы называют гепидов, вандалов, бургундов, боранов, певкинов и тайфалов.

Этимология имени тайфалов не поддается однозначному толкованию¹. Нет сведений и об их германской родине. Источники сразу фиксируют их вблизи римских границ.

О тайфалах вспоминает Иордан², рассказывая о том, как готы в союзе с многочисленными тайфалами, вандалами-асдингами, карпами и певкинами в середине III в. совершили поход за Дунай. Позже, в конце III в., они снова упоминаются как союзники готов в борьбе с вандалами и гепидами³.

подавляющее большинство исследователей считают, что тайфалы были германцами. М. Флусс в статье в *Realencyklopädie* называет тайфалов «маленьким германским племенем»⁴. К германским племенам, хотя и с некоторыми сомнениями в их готском происхождении, относит их Л. Шмидт⁵. Ю.А. Кулаковский в комментариях к переводу Аммиана Марцеллина определяет тайфалов «как народ готского племени, живший вблизи Дуная, к западу от вестготов»⁶. Германским племенем на Среднем Дунае называет тайфалов В.П. Буданова⁷. Х. Вольфрам подчеркивает, что от первых сведений о тайфалах в XII *Ranegirici Latini* (XI (III). 17. 1) до Зосима (IV. 25. 1) готы и тайфалы упоминаются вместе⁸.

¹ *Sitzmann A.* Taifalen // *Reallexicon der germanischen Altertumskunde*. 2005. Bd. 30. S. 271.

² *Jordanes.* *Getica.* § 91.

³ *Fluss M.* Taifali // *RE*. 1932. II. 8. Kol. 2027; *Вольфрам Х.* *Готы.* СПб., 2003. С. 89.

⁴ *Fluss.* *Op. cit.* Kol. 2026.

⁵ *Schmidt L.* *Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Die Ostgermanen.* München, 1934. S. 546.

⁶ *Кулаковский Ю.А.* *Комментарии // Аммиан Марцеллин. Римская история.* СПб., 1996. С. 555.

⁷ *Буданова В.П.* *Готы в эпоху великого переселения народов.* М., 1990. С. 189.

⁸ *Вольфрам.* *Ук. соч.* С. 136.

Более всего сведений о тайфалах, очевидно относящихся к периоду их наибольшей активности, находим в источниках IV в. Е.Ч. Скржинская отмечает, что тайфалы неоднократно ставились в один ряд с наиболее могущественными племенами, угрожавшими тогда Империи. Она приводит свидетельства Аврелия Виктора, а также неизвестного автора, жившего в Риме и Милане, которые называют тайфалов в перечне племен, нападавших на имперские области⁹.

Аммиан Марцеллин также упоминает этот народ, выделяя его среди других племен. Так, он рассказывает, что в 358 г. тайфалы помогали императору Констанцию в его борьбе против сарматов-языгов (XVII. 19). Говоря о более поздних событиях 375–378 годов, Аммиан Марцеллин (XXXI. 9) описывает неожиданную встречу Фригериды, военачальника императора Грациана, с грабительскими отрядами готов и тайфалов во главе с готским князем Фарнобием: «Внезапно увидев их, Фригерид, вообще весьма осторожный командир, стал готовиться вступить с ними в бой, и напал на грабителей из того и другого племени, представлявших довольно грозную силу»¹⁰. В этом рассказе для нас важна констатация того факта, что с точки зрения римлян готы и тайфалы были разными племенами, однако действовавшими вместе. Основываясь на анализе источников, Х. Вольфрам пришел к выводу, что название Гуттиуда, т.е. народ готов, в IV в. означало не этническую общность с единым происхождением, а область господства тервингско-тайфальского племенного союза. Он считает, что тайфалы вместе с тервингами (вестготами), с момента появления последних, входили в одно сообщество и продолжали оставаться вместе до тех пор, пока гуннское нашествие не разрушило его¹¹.

Спасаясь от гуннов, тайфалы вместе с готами подошли к берегам Дуная. Часть их, опять-таки вместе с готами, была переселена на окраины итальянских городов Мутину (Модену), Регий (Реджо) и Парму, где получила земли для возделывания¹².

Историческая локализация тайфалов проблематична и противоречива. В письменных источниках нет определенных сведений, позволяющих сделать выводы относительно территории, которую занимали тайфалы. Анализируя косвенные данные, исследователи выдвигают различные предположения¹³. Х. Вольфрам замечает, что археологически тайфалы не прослеживаются. Исходя из этого и опираясь на свидетельство Зосима (II. 31. 3), рассказывающего о тайфальской коннице, он выдвигает странное предположение, что тайфалы были народом всадников и в IV в. не имели постоянного места жительства¹⁴.

Однако едва ли на плотно населенных карпато-дунайских территориях, за которые постоянно велась борьба племен, мог существовать народ, живший в постоянных странствиях. Можно говорить о переселении тех или других племен, их продвижении на новые земли, но не о племени, не имевшем своей территории. Тем более что в источниках есть, пусть и неопределенные, фактиче-

⁹ Скржинская Е.Ч. Вступительная статья, перевод, комментарии // *Иордан. О происхождении и деяниях готов. Getica. М., 1960. С. 251, комм. 229.*

¹⁰ Здесь и ниже цитируется в переводе Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни (*Аммиан Марцеллин. Римская История...*).

¹¹ Вольфрам. Ук. соч. С. 135–136.

¹² *Amm. Marc. XXXI. 9.*

¹³ См. *Fluss. Op. cit. Kol. 2027.*

¹⁴ Вольфрам. Ук. соч. С. 137.

ски без точных географических привязок, упоминания о существовании земли тайфалов (*Taifalorum terrae*).

Аммиан Марцеллин дважды вспоминает о ней. Рассказывая об участии тайфалов в битве 358 г. против сарматов-языгов, он отмечает, что когда войска разделились, «тайфалы направились в области, ближайšie к их территории» (XVII. 19). Интересен рассказ Аммиана Марцеллина о событиях, связанных с нападением на готов гуннов. Описывая попытку Атанариха отразить нападение гуннов, Аммиан Марцеллин пишет, что вестготы расположились лагерем на берегу Днестра. И далее (XXI. 3): «Ошеломленный первым ударом, Атанарих (король тервингов. – Л.В.), потеряв кое-кого из своих, вынужден был искать убежища в крутых горах. От неожиданности этого события и еще большего страха перед будущим, он стал воздвигать высокие стены от берегов Геразуса (Сирета) до Дуная, поблизости от области тайфалов».

Согласно этому рассказу, земля тайфалов находилась, во-первых, вблизи гор, которыми, очевидно, являются Карпаты, а во-вторых, вблизи р. Сирет. В области течения р. Сирет или, даже точнее, в ее верховьях предположительно размещают тайфалов некоторые историки¹⁵.

Итак, скудные сведения древних источников позволяют считать тайфалов небольшим по численности народом, появившимся в Карпато-дунайском бассейне вместе с готами и другими германскими племенами в едином миграционном потоке. Этот народ действовал всегда в союзе с готами, тем не менее не растворился в более многочисленной готской среде, а четко выделялся как отдельное племя.

Упоминания, хотя и неопределенные, о земле тайфалов привязываются к местностям близ правого берега Днестра и верховьев Сирета. Можно предположить, что речь идет о территории Прикарпатья. В позднеримское время территория, расположенная вдоль северных и восточных склонов Карпатской дуги по верхнему течению Днестра, Прута и Сирета, в пределах Украинского и Румынского Прикарпатья, была занята памятниками культуры карпатских курганов¹⁶.

Для культуры карпатских курганов характерны открытые поселения на удобных для земледелия местах. Помимо жилых построек при раскопках жилищ обнаружены остатки зернохранилищ, гончарных горнов и других хозяйственных и производственных объектов. Своеобразный погребальный обряд – курганы, сооруженные на месте кремации, четко выделяют культуру карпатских курганов среди синхронных древностей Европы. В прикарпатских лесах сохранились могильники, состоящие из курганов куполовидной формы высотой 1–1.5 м, изредка до 2 м. Встречаются небольшие могильники, насчитывающие от четырех до двадцати насыпей, и крупные – в 60–100 курганов.

Остатки кремации оставляли непосредственно на площадке кострища, или же отобранные и промытые кальцинированные кости помещали в ямки и ур-

¹⁵ Скржинская. Ук. соч. С. 251; Буданова В.П. Варварский мир эпохи великого переселения народов. М., 2000. С. 37.

¹⁶ Смішко М.Ю. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ, 1960; Вакуленко Л.В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н.е. Київ, 1977; Mihailescu-Bîrliba V. Un nouveau groupe culturel sur le territoire de Roumanie. Les fouilles de Branîște-Nemțișor (comm. de Vinători, dép. de Neamț) // Dacia. 1980. XXIV. P. 181-207.

ны. В ряде случаев обнаружены следы деревянных и каменных оград вокруг площадки кострища, в других – место сожжения окружали ровики. Выявлены также следы четырехугольных деревянных столбовых конструкций. Практически во всех погребениях находились повторно обожженные фрагменты разбитой посуды. В некоторых курганах были сосуды-приставки с жертвенной пищей и напитками. Среди жертвенных животных, сожженные кости которых сопровождали погребения, всегда был конь.

Население Прикарпатья использовало высококачественную гончарную посуду, изготовленную в местных мастерских. В ее ассортимент входили миски разных типов, одноручные и двуручные кувшины, вазы, трехручные вазы, горшки, сосуды для хранения припасов, кубки и др. Своеобразие керамическому комплексу придавали тонкостенные кухонные горшки со сложно профилированными венчиками и обильными выступающими на поверхности сосуда примесями. Значительно реже использовалась лепная посуда.

На поселениях и в курганах выявлены железный наконечник пахотного орудия, серпы, долото, ножи, гвозди, костяные гребни, каменные жернова, керамические прясла, грузила от ткацких станков и рыболовных сетей и т.п. Найденные украшения и элементы одежды представлены фибулами, пряжками, бусами. Обнаружены также два наконечника копий, удила, шпора и др.¹⁷

Римские импортные изделия, одиночные находки и клады римских монет, обнаруженные на памятниках культуры карпатских курганов, свидетельствуют о развитой торговле с римскими провинциями. Наибольшее количество импортных вещей относится к IV веку, периоду ее расцвета. Это амфоры, кувшины, стеклянные и глазурованные чаши¹⁸.

Среди европейских древностей позднеримского периода наибольшую близость к материалам, открытым на памятниках культуры карпатских курганов, обнаруживают материалы соседних черняховских памятников.

Территория культуры карпатских курганов с севера и юго-востока непосредственно граничит с территорией черняховской культуры. Время существования обеих культур полностью укладывается в рамки позднеримского периода, захватывая начальный этап эпохи Великого переселения народов, в целом, согласно общепринятой европейской периодизации, соответствуя периодам C и D¹⁹. На памятниках культуры карпатских курганов и черняховской присутствуют одни и те же типы двучленных подвязных фибул. В курганах и на поселениях встречены те же типы амфор, среди которых наиболее часто так называемые инкерманские.

Керамические комплексы обеих культур не идентичны, однако прикарпатская керамика имеет полный набор форм посуды, характерной для черняховской культуры. И первооткрыватель культуры карпатских курганов М.Ю. Смишко, и другие исследователи обращали внимание на удивительное сходство гончарной керамики культуры карпатских курганов и Черняхов-

¹⁷ Вакуленко Л.В. Культура карпатских курганов // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985. С. 59–67.

¹⁸ Он же. Экономические связи населения Восточного Прикарпатья в IV в. н.э. // Na granicach antycznego świata. Rzeszow, 1999. С. 30–312.

¹⁹ Она же. Взаимосвязи культур позднеримского времени Карпатского и Днепро-Днестровского регионов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004. С. 96–107.

ской²⁰. По нашему мнению, следует исключить возможность влияния одной культуры, очевидно черняховской – как более крупной, на другую – культуру карпатских курганов. Археологически хорошо прослеживается, что ритм развития обеих культур был одинаковым. Внедрение гончарства в жизнь и быт их населения произошло одновременно, при прямом участии провинциальных римских мастеров²¹. Итак, можно думать, что выявленное сходство гончарных комплексов является проявлением общего для обеих культур прямого или опосредованного влияния провинциального римского гончарства. Создатели обеих культур испытывали одинаковое воздействие цивилизационных импульсов, поступающих из античного мира. Сильное влияние римской производственной и бытовой культуры способствовало повышению эффективности хозяйства, стимулировало развитие общественных отношений и содействовало ускоренному развитию социальных процессов в племенной среде.

Главное отличие двух культур заключается в погребальном обряде. Для черняховской культуры характерны грунтовые биритуальные могильники с погребениями по обряду кремации и ингумации²². Картографирование погребальных памятников обеих культур позволяет с уверенностью утверждать, что граница между ними довольно четко выдержана. В Прикарпатском регионе в позднеримское время известны исключительно курганные погребения с трупосожжением и никогда не встречаются могильники и даже отдельные погребения черняховской культуры.

Итак, территориальное соседство двух культурных массивов, черняховского и культуры карпатских курганов, их одинаковая хронология позволяют думать об общей судьбе двух народов²³. Этническая принадлежность черняховской культуры долго была предметом дискуссий. В последнее время наиболее распространена версия, согласно которой создателями черняховской культуры были германские племена и в первую очередь готы²⁴.

Не существует общепринятого мнения и по поводу этнического определения культуры карпатских курганов. Однако следует отметить, что культура карпатских курганов, как и черняховская, является новым культурным образованием. Ее возникновение также связано с перемещением племенного населения на территории, приближенные к границам Римской империи. Движущей силой этого переселения были германские племена²⁵. Таким образом, можно думать, что обе культуры принадлежат к общему германскому этническому кругу. При всех общих чертах культура карпатских курганов и черняховская довольно четко различаются археологически. Характерные отличия, которые, прежде всего, проявляются в погребальном обряде, связаны с тем, что это были два разных народа еще на земле исхода. Переместившись в общем миграционном потоке на новые территории, они продолжают сохранять свою самобытность на новой родине.

²⁰ *Смішко*. Ук. соч. С. 104–106.

²¹ *Вакуленко Л.В.* Витоки гончарного виробництва III–IV ст. н.е. у Східній Європі // *Археологія*. 2000. № 3. С. 28–36.

²² *Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.

²³ *Вакуленко Л.В.* Культура карпатських курганів і черняхівські старожитності // *Наукові записки НаУКМА*. Київ, 2002. Т. 20. С. 15–19.

²⁴ *Шукин М.Б.* Готский путь. СПб., 2005; *Магомедов*. Ук. соч.

²⁵ *Буданова*. Варварский мир эпохи... С. 9–12.

Если согласиться с утверждением, что черняховские древности, по крайней мере в основной своей массе, принадлежат готам, то можно с большой долей вероятности связать культуру карпатских курганов с историческими тайфалами. С данными археологии согласуется и тот факт, что тайфалы по сравнению с готами представляли собой количественно меньший народ. Ведь территория, которую занимает культура карпатских курганов, намного меньше, чем территория распространения черняховских памятников. Согласно древним источникам наибольшая активность тайфалов приходится на IV век. Это был, как свидетельствуют археологические материалы, период наибольшего расцвета культуры карпатских курганов. Тайфалы локализируются в Карпатском регионе, вблизи гор, на правом берегу Днестра и в верховьях Сирета, т.е. тех водных артерий, с которыми связана территория культуры карпатских курганов. Наконец, при анализе погребального обряда культуры карпатских курганов мы обратили внимание на признаки существования у прикарпатского населения культа коня (как здесь не вспомнить об определении тайфалов как народа всадников).

Все вышеизложенные аргументы позволяют выдвинуть гипотезу, о том, что памятники культуры карпатских курганов оставил народ тайфалов.

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE ON THE TAIFALI PEOPLE

L. V. Vakulenko

The author tries to find out an archaeological correlation of the Taifali people known from written sources. According to his hypothesis, the cultural monuments of Carpathian burial mounds (kurgans) could be connected with the Taifali. References to the lands of the Taifali, vague as they are, have to do with the territories near the right bank of the Dniester and the Siret, the water arteries of the lands connected with the culture of the Carpathian kurgans. According to the evidence of the ancient authors, Taifali made alliances with the Goths and were especially active in the 4th century AD. The archaeological material finds close parallels to the Chernyakhovskaya material culture, whose bearers were mainly the Goths, which makes it plausible that the two peoples had something in common. The greatest part of the imported goods found in the monuments are of the 4th c. AD, the peak period of the Chernyakhovskaya culture. A relatively small number of bearers of the Carpathian kurgan culture (as compared to those of the Chernyakhovskaya culture) and the cult of horses reflected in the kurgans seem to support the hypothesis.